

Социальный субъект в рамках социальных трансформаций

Ирина А. Кацапова

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН, Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современной социальной теории проблема глобального кризиса, связанного с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Акцентируется внимание на роли человека в качестве социального субъекта в современном цифровом пространстве.

Ключевые слова: социальный субъект, традиционное общество, трансформация, риск, безопасность

Social subject within social transformations

Irina A. Katsapova

*Cand. of Sci. (Philosophy), senior researcher,
RUS Institute of Philosophy, Moscow, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of the global crisis, relevant for modern social theory, associated with the reassessment of universal values and standards of life. Attention is focused on the role of a person as a social subject in the modern digital space.

Keywords: social subject, traditional society, transformation, risk, security

Современная реальность представляет собой эпоху «геополитического освоения пространства», базовыми принципами которого являются «не столько вариативные факторы, меняющиеся вместе с прогрессом, сколько некоторые «инварианты», связанные со статусом государства в географическом измерении» [1]. Независимость государств и народов (коллективных субъектов) «от географического пространства может возрасти в перспективе прогресса, но она никогда не станет полной: география – это такой тип наследственности, который можно облагородить, но нельзя полностью изменить» [1].

В современном мире активно действуют силы, готовые перечеркнуть социокультурный опыт стран и народов, готовые взять на вооружение теорию «конфликта цивилизаций», ориентируясь на стратегию дестабилизации, имеющей глобальное значение. В данной перспективе бессмысленно игнорировать то, что современные процессы, связанные с созданием т.н. «нового миропорядка», активно формируют новые формы межгосударственных, социально-политических, экономических и культурных отношений. В условиях современной модернизации государственных и общественных отношений особое значение приобретает осмысление возможностей и границ реализации уже существующих универсальных смыслов и принципов организации как самих этих отношений, так и адаптации их к современным процессам. Концепция модернизации, согласно которой развернувшиеся в высокоразвитых обществах процессы (индустриализации, урбанизации и т.п.) должны вовлечь в эти процессы весь мир, возникла относительно недавно. Модернизация рассматривалась как вариант развития, совершенствования экономических, социальных, демографических, культурных факторов общественного устройства. Однако в перспективе стало очевидно, что в контексте разнообразия цивилизаций более актуальной становится не тема глобального экономического роста, а тема *глобальной модернизации* локальных культур. И в этой связи центральной оказалась проблема адаптации традиционных обществ к современной модели глобальной модернизации.

Из двадцати одной цивилизации, описанных А. Тойнби, большинство относилось к традиционным обществам (Древняя Индия, Китай, Древний Египет, государство Майя, славянский и арабский мир в средние века и т.д.). С возникновением техногенной цивилизации, появление которой было подготовлено рядом мутаций традиционных культур, традиционные общества, вступая с ней во взаимодействие, менялись под ее влиянием. Каждый из типов цивилизационного развития характеризуется особенностями соответствующего ему типу культуры. И эти особенности выражены системой фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, которые могут модифицироваться и варьироваться в различных видах общества, в различных национальных культурах, сохраняя ряд общих признаков в качестве глубинного инварианта.

Основной тенденцией нашего времени является трансформация традиционного общества в цифровое, инфраструктура которого функционирует посредством информационно-коммуникативных технологий. Базовой формой организации и социального взаимодействия цифрового общества являются сетевые структуры и платформы. На этом основании возникла идея построения «государства как платформы», глубоко интегрированного в единую цифровую систему управления, а также в повседневную жизнь граждан и организаций. Человек данного типа общества из субъекта общественных отношений превращается в объект жесткого управления.

На этом фоне современное общество рассматривается как общество риска. И хотя в современной литературе отсутствует единое понимание риска, тема риска стала сегодня господствующей темой общественных дискуссий. С универсализацией осознания риска, который часто отождествляется с опасностью, в обществе становится также релевантной и тема – безопасности. Риск в этом случае дополняет понятие безопасности. Очевидно, что все это связано со структурными изменениями в самом обществе. За последние десятилетия тема рисков и последствий, вызванных техническим развитием, стала одной из основных в системе общественной коммуникации. Этот факт можно рассматривать как индикатор отношений современного индустриального общества к продуктам научно-технического прогресса и связанными с ним опасностями.

Современные дискуссии о том, что меняется «картина мира», или создается «новый порядок», формируют осознание того, что проблема глобального кризиса связана с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Преодоление кризиса предполагает поиск новых стратегий развития, а следовательно, критического анализа ценностей, лежащих в основании культуры техногенной, или цифровой цивилизации. В этой связи возникают вопросы о ценностях научной рациональности и научной картины мира как неотъемлемых компонентов современной культуры. Парадоксы современности поставили человека в условия выбора между должным и сущим, а, по сути, между тем «что есть» и тем «что должно быть». Практически между философским осознанием того, что же на самом деле для человека есть «добро», а что есть «зло».

В эпистемологии последних десятилетий можно видеть стремление избавиться от картезианского дуализма, и это стремление реализуется в попытках представить познание как коммуникативную деятельность. Этому пересмотру во многом способствовало включение в поле внимания философии двух взаимосвязанных сфер: языка и коммуникации. Язык, которым пользуется человек в повседневной жизни, объективирован, или, точнее, конституирован определенным порядком объектов, составляющих социальную реальность. Поэтому реально человек пользуется систематизированными образами, которые приобретают смысл и значение не столько сами по себе, сколько для повседневной жизни самого человека. Язык как бы устанавливает определенный порядок, который человек принимает как неперемное условие. Неоспоримо и то, что реальность повседневной жизни не исчерпывается этим порядком, потому что представляет собой интерсубъективный мир, который человек разделяет с другими людьми, существуя в постоянном взаимодействии и общении с ними.

В социальном пространстве индивид как социальный субъект не существует вне взаимосвязи с другими социальными индивидами. В контексте общественно-практической деятельности социальный субъект, обозначая определенный сегмент развития социума, определяет спектр возможных сценариев, посредством которых в будущем можно наблюдать развитие современного социума. В рамках социальных трансформаций раскрывается значимость осуществляемого социальным субъектом выбора альтернативного развития социальных процессов.

Сегодня в концепции социального субъекта рассматриваются два способа описания социума: как бессубъектной среды, рождающей коммуникативные события, и как сообщества субъектов, способных к совершению коммуникативного действия. Противопоставление такого рода связано с двумя стратегиями следования правилу: первая стратегия строго связана с системой институтов и техник коммуникации, распространенных в социальной среде; другая – основана на рефлексии, и подразумевает альтернативные правила коммуникации и ответственный выбор со стороны субъекта. Деятельность такого субъекта существенным образом связана с рациональностью, поскольку включает обоснование выбора. В качестве же принципа обоснования рассматривается требование универсальности правила. В данном случае требование представляет собой коммуникативный аналог категорического императива.

До идеи субъекта (порождение эпохи модерна) доминировало противопоставление познающего субъекта и познаваемой реальности. Теория познания, основанная на такой концепции, преимущественно была озабочена «вопросом об адекватном отражении реальности в сознании», которое не выглядело столь безупречным, поскольку «исходный дуализм не позволял понять, как вообще возможна связь между мыслящим и познающим субъектом и подлежащей познанию материальной природой» [2]. В философии модерна концепция субъекта имеет не только эпистемологическое, но и этическое измерение. Субъект представлен здесь «как источник морального действия, способный взять на себя ответственность за свои поступки». Он поступает ответственно и рационально, а также обладает свободой выбора, которая находится в известной корреляции с эпистемологическим дуализмом.

Развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах и возможностях глобального и национального развития нацелены на возможность осмысления такой насущной проблемы как роль глобализации в развитии национальных государств. Современные теории общества конституируют себя одновременно как анализ настоящего – ставят вопросы о современных условиях деятельности, эволюционных или революционных возможностях и самоинтерпретациях, а также о видении будущего членами этого общества, которые выражаются ими в коммуникативных отношениях. Понятия социальной теории – не только научные конструкты, они одновременно выражают фактические проблемы осознания человеком как самого общества, так и всех смыслоформирующих его структур.

Список литературы

1. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издат. «Русский мир», 2005. С. 366.
2. Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. С. 8.